

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**Философия власти в книге академика О.Е. Кутафина
«Глава государства»**

УДК

Поздняков Виктор Петрович

кандидат юридических наук, член Российской ассоциации международного права (г. Москва, Россия);

e-mail: yoda1989@yandex.ru

Статья получена: 13.01.2017. Рассмотрена: 20.01.2017. Одобрена: 20.02.2017. Опубликовано онлайн: 24.03.2017. © РИОР

Аннотация. В статье раскрывается значение книги академика О.Е. Кутафина «Для исследований института главы государства как организационно-политической доминанты верховной власти». Автор актуализирует философско-методологические аспекты этой проблематики, наиболее остро заявляющей о себе в переходные исторические периоды.

Ключевые слова: государство, право, власть, глава государства, философия, политика, методология, идеология.

«Глава государства» – последняя книга академика О.Е. Кутафина. Книга, в которой, работая над ней до последних дней жизни, он не успел поставить последнюю точку. Рукопись подготовили к изданию вдова, Наталья Николаевна, сын, Дмитрий Олегович Кутафина, а также кафедра конституционного и муниципального права Российской Федерации Московской государственной юридической академии. Кафедра, которая к моменту выхода книги в свет в 2012 г., к 75-летию юбилею академика, уже носила имя своего основателя. Во вступлении профессор В.И. Фадеев (к сожалению, безвременно ушедший от нас) писал: «Но в целом свой замысел он успел реализовать. И наука конституционного права России получила еще один его научный труд, в

котором рассматривается важнейший государственно-правовой институт – институт главы государства.

Новая книга О.Е. Кутафина, как и его предыдущие работы по конституционному праву, поражает своей фундаментальностью, масштабом охвата источников, уровнем обобщения научных взглядов, глубиной анализа рассматриваемых проблем. Неповторимость научного наследия О.Е. Кутафина состоит в том, что по его монографиям можно изучать развитие конституционно-правовой мысли в России. Это придает работам О.Е. Кутафина характер науковедческого жанра» [1. С. 3].

Это сущностная характеристика монографии, оставшейся недописанной, но ставшей блестящим итогом научной деятельности Олега Емельяновича Кутафина. В ней, по словам В.И. Фадеева, «...прослеживается эволюция главы российского государства, анализируются взгляды ученых, обращавшихся к этой проблематике в дореволюционной, советской и постсоветской России. Со многими научными мнениями и высказываниями Олег Емельянович соглашается, с другими спорит, дискутирует, выдвигая свои обоснования и аргументы» [1. С. 3].

«Глава государства» представляет многообразие историко-теоретических ипостасей актуальных проблем государства и права. Ведь ор-

**PHILOSOPHY OF POWER IN THE BOOK
OF ACADEMICIAN O.E. KUTAFIN «HEAD OF STATE»****Pozdnyakov Viktor**Candidate of Legal Sciences, Member of the Russian Association of International Law (Moscow, Russia); e-mail: yoda1989@yandex.ru
Manuscript received: 13.01.2017. Revised: 20.01.2017. Accepted: 20.02.2017. Published online: 24.03.2017. © RIOR

Abstract. The article reveals the importance of the book of Academician O.E. Kutafin for the research of the institute of the head of state as the dominant organizational and political sovereignty. The author actualizes philosophical and methodological aspects of this issue, the most acute notifying currently in a historic transition.

Keywords: state, law, authority, head of state, philosophy, politics, methodology, ideology.

ган «глава государства» — это тот, «...которому принадлежит право представлять государство как целое во внутренних государственных и в международных отношениях» [1. С. 4]. Данное определение побуждает проследить эволюцию русской правовой мысли и ее значение для понимания ситуационных координат России в современном мире. В этой эволюции существенную роль традиционно играл институт главы государства. Влияние его на внешнюю политику и дипломатию России ко времени образования централизованного государства заметно и в дальнейшем неуклонно возрастает.

Мысль академика О.Е. Кутафина находится в мучительно трудном процессе соединения логики оформления знаний и представлений о политике и праве с объективным описанием реальной действительности. «Читатель имеет прекрасную возможность следить за развитием мысли Олега Емельяновича, ее полетом, что всегда характеризует подлинного ученого, пытливого исследователя, открывающего новые горизонты в исследовании научных проблем, встающих перед государством и обществом и требующих своего развития» [1. С. 3].

Из этого качества рождаются два важнейших методологических принципа, реализуемых О.Е. Кутафиным. Не ограничивать исследование исключительно юридической точкой зрения, но сделать ее органической составной частью историософского правового анализа. И, как следствие, монография содержательно утверждает методологию системного подхода к проблемам института главы государства.

Насколько важно для ученого выяснять возможности системного рассмотрения правовых проблем как исторического процесса, свидетельствует структура исследования. В этом отношении наиболее характерны первые три главы книги — «Понятие и традиционные функции главы государства», «Глава государства в Российской империи», «Государственные органы Советской России, исполнявшие функции главы государства». В четвертой главе «Президент Российской Федерации — глава государства» намечены исследовательские направления, по которым нужно изучать уже приобретенный институтом Президента России опыт и выработать методологию решения проблем политического развития страны.

К сожалению, эта глава монографии осталась незавершенной. Но в целом в книге представлен большой спектр историко-политических и философско-правовых трактовок монархической и республиканской форм правления, отраженных институтом главы государства. Изложение О.Е. Кутафиным позиций мыслителей и ученых позволяет получить о них возможно полное представление. Мы находим здесь имена Геродота и Аристотеля, Беджгота и Моля, Монтескье и Руссо, Локка и Маркса. Цитирование переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским сочетается с анализом концепций русских государствоведов Н.М. Коркунова и Н.И. Лазаревского. Обращение к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина ведет к доктринам Б.Н. Чичерина и В.М. Гессена. Рассматривая правовые взгляды А.И. Ильина и Л.А. Тихомирова, ученый проявляет внимание к точкам зрения П.Е. Казанского и В.В. Сокольского. Анализ исследований советского ученого А.А. Мишина и его полемики с В.Е. Чиркиным позволяет сделать вывод о единстве конституционно- и международно-правовой мысли в России. Об этом свидетельствует не обойденное вниманием академика, в частности, творчество С.Е. Десницкого, М.М. Щербатова. Значение «Наказа» Екатерины II и «Записки» 1799 г. Безбородко подчеркивает наличие в русской политической мысли традиции правового обоснования мирных взаимоотношений государств как необходимого условия общественного развития.

Весьма примечателен интерес О.Е. Кутафина к творчеству Ф.В. Кречетова. Его литературное наследие весьма значительно: имеется около 50 неопубликованных произведений, в которых он неоднократно обращался к проблемам конституции, вопросам об учредительном собрании, об организации высших органов государства после свержения самодержавия, о правах граждан и условиях их осуществления. Одна из центральных идей — идея общественного договора. По словам Г.В. Плеханова, взгляды Ф.В. Кречетова «представляли собой смесь передовых идей французской философии с более или менее оригинально истолкованным христианским учением» [1. С. 78–79]. Обдумывая цитированное, понимаешь, что в концептуальном прицеле право-

веда взаимосвязаны формирование самостоятельного типа русского правового мышления и философии государства как политической организации, обеспечивающей реализацию гражданами политических свобод в согласовании с нравственными регуляторами человеческой деятельности.

Такая методология выявления характеристик политико-правовой мысли в органическом единстве ее «европейскости» с «русскостью» приводит к выводам, подтверждающим, что влияние западноевропейских философско-правовых идей не обезличивало русскую мысль. Напротив, освоение «заимствований» было настолько оригинальным, что задало многие направления развития современного мира.

В русской политико-правовой мысли зафиксированы этапы развития государственности России в координатах мирового исторического движения. Об этом с очевидностью свидетельствует исследование академика. Отмечая начало разработки конституционных идей в русском праве, О.Е. Кутафин подводит промежуточный итог. Он пишет: «Появление конституционно-демократических идей в России относится к XVIII в. Они содействовали духовному пробуждению России, являясь важным этапом в формировании прогрессивных традиций политической мысли в стране.

Борьба за политическую свободу и представительство продолжалась в России и в XIX, и в начале XX в.» [1. С. 79]. Это важный пункт монографии, ибо, по нашему мнению, здесь в качестве методологического принципа реализована мысль Гадамера, что «история — это совершенно иной источник истины, нежели теоретический разум. Уже Цицерон имел это в виду, когда называл ее жизнью памяти (*vita memoriae*). Ее собственное право основано на том, что нельзя управлять человеческими страстями, пользуясь общими предписаниями разума. Для этого скорее приспособлены убедительные примеры, которые может предоставлять только история. Поэтому Бэкон называет историю, дающую такие примеры, другим путем философствующих (*alia ratio philosophandi*) [2. С. 65].

Часть монографии О.Е. Кутафина, где анализируется соотношение понятий «самодержавие» и «монархия», представлена разделом

второй главы книги под названием «Монарх — глава государства.» В нем, в частности, читаем: «Царствование Петра I стало временем, когда в России окончательно утвердилось самодержавие, которое приобрело абсолютный характер. С 1700 г. перестала существовать как учреждение Боярская дума; был упразднен патриарший престол; правительство перестало созывать земские соборы. Начиная с царствования Петра I царская власть оказалась на деле ничем не ограниченной и в то же время достаточно сильной, чтобы действовать вполне независимо от чьей-либо поддержки и воли. В истории России начинается новая эпоха. При Петре с 1721 г. прекращает свое существование Московское царство, превратившееся с этого года в Российскую империю» [1. С. 64].

Этот новый, «петербургский», период русской истории требовал правового и идеологического обоснования. О.Е. Кутафин пишет: «Идеал абсолютной монархии в качестве формы правления нашел своего идеолога в лице Феофана Прокоповича. В его произведениях содержится апология абсолютной, ничем не ограниченной власти, регламентирующей все стороны жизни подданных... Он указывал, что монарх дарует своему народу «обряды гражданские, церковные, перемены обычаев...» Ф. Прокопович одним из первых в политической истории раскрыл содержание термина «самодержавие» и начал его толковать не столько в смысле суверенности и независимости государства, сколько для выражения представления о форме правления неограниченной монархии» [1. С. 65].

Развивая анализ русской политико-правовой мысли XVIII в. изложением идей А.Н. Радищева, О.Е. Кутафин пишет: «А.Н. Радищев полагал, что в России имеются два главных члена общества: государь и народ. Характеризуя государя, А.Н. Радищев указывал, что он является самодержавным, заключающим в себе законодательную, судебную и исполнительную власть, т.е. источником всякой государственной и гражданской власти. Однако из всего этого не следует, что государь может все делать по своему произволу. Он должен творить в общую пользу, поскольку основанием самодержавного правления является не то, чтобы у людей отнять «естественную волю»

ность», а то, чтобы «действия их направить к получению большего ото всех добра». Поэтому не государь, а закон может у гражданина отнять «имение, честь, вольность или жизнь». И далее: «Как исполнитель закона государь печется о благоустройстве внутреннем и внешнем» [1. С. 78]. В русской и мировой истории XVIII в. занял важное место, подытожив прошлое разрешением сообщенных ему проблем и обозначая новое качество вопросов будущего. Тем самым исследование Кутафина побуждает к поиску исторических смыслов, связующих рубежные вехи особо значимых политических институтов. К ним безусловно относится глава государства.

Примем во внимание, что к XVIII в. политико-правовые координаты развития европейских государств фокусировались их международной значимостью, что в полной мере относится к России. Поэтому вполне обоснованно постараться выяснить, в какой мере развитие института главы государства содействовало формированию концепций верховной власти в России в процессе ее самоутверждения как мировой державы. Вследствие невозможности объять необъятное, остановим наше внимание на периодах, когда отстаивание позиций страны в международных отношениях требовало от главы государства той «внутренней энергии ума, которая постепенно отвоевывает самоё себя, устраняя отжившие идеи, с тем, чтобы оставить место идеям, находящимся в процессе становления» [2. С. 68].

Деятельность российских монархов в XVIII в. становится объективным фактором исторических судеб европейских стран, эпицентром интересов их верховных правителей. И, естественно, институт главы Российского государства – предмет их пристального внимания, неуклонно возраставшего со времени превращения Московского княжества в национальное Русское государство. Осознание международного значения этого факта выразилось в рождении внешней политики, запечатленной деятельностью дипломатии, у истоков которой стоял Иван III. Одним из важнейших следствий его правления было превращение института княжения в институт главы государства как организационно-идеологическую доминанту политической власти.

Дипломатические документы фиксируют появление в европейской политике молодой, сознающей свою мощь и способной утверждать свой суверенитет державы. Тогдашняя Россия в существовавшей системе международных отношений стала влиятельной силой решения межгосударственных конфликтов в Восточной Европе. Для стран Западной Европы она таковой не была. Но там, на Западе, уже в тот период завязывались сложные узлы внешнеполитического воздействия на развитие Российского государства.

Идеология верховной власти, оформлявшаяся, по словам О.Е. Кутафина, Феофаном Прокоповичем при Петре Великом, зарождается в период Ивана III, прежде всего в сфере внешней политики. Не останавливаясь на конфликте православной и католической церкви, мощном факторе исторических судеб России, обратим внимание на согласованность политики папского престола и светской власти западноевропейских государств по отношению к России. Кратко очерчивая ее контуры, отметим, что Великие географические открытия определили новые векторы внешней политики наиболее сильных стран Западной Европы в XV–XVI вв. Но почти одновременно с открытием Америки Запад «открыл» для себя Русское государство.

Характерно высказывание К. Маркса: «Изумленная Европа, в начале княжения Ивана III едва ли знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных рубежах» [3. С. 261]. Этому способствовал силезец Николай Поппель, направленный в качестве представителя императора Священной Римской империи на переговоры с Иваном III. Целью визита было добиться согласия последнего на присвоение ему королевского титула. Согласно тогдашним нормам международного права, это было юридическим основанием признания нового государства. Действительный же замысел заключался в том, чтобы поставить Русское государство в зависимость от интересов Западной Европы. Тем более, что они, вследствие появления на месте Византийской империи Оттоманской Порты, с падением в 1453 г. Константинополя оказались под угрозой.

В начинавшихся войнах за колонии «озабоченность» правом определялась возможностью получения дивидендов в создаваемых ситуациях. Капитализм, приобретая характеристики общественно-экономической формации, ускоряет образование национальных государств интернационализацией этого процесса. Трактовка понятия «нация» вызывает споры на церковных соборах и светских конгрессах, отражая потребность монархов в правовых обоснованиях притязаний международного характера. Академик В.И. Вернадский отмечал, что после плавания Колумба «...начались многочисленные плавания отдельных предпринимателей, из которых до нас дошли немногие имена. Вне пределов Испании вопрос этот затронул Венецианскую республику, в Германии, Италии и Испании появились лубочные листки, переводы частного письма Колумба. Больше всего волнений вопрос возбуждал в Португалии, и ...в... том же 1493 г. произошел знаменитый раздел папой Александром VI вновь открытых земель между Испанией и Португалией – раздел, произведенный без малейших географических знаний, приведший, в конце концов, к многочисленным и разнообразным спорам и столкновениям» [4. С. 161–162]. Этому так называемому «меридиональному» разделу предшествовал «широтный» раздел мира. Сговоры португальского королевского двора и папской курии имели для первого огромное значение. После признания договоров Испанией и подтверждением их папой Сикстом IV они стали международной нормой. «Речь... во всех этих договорах и буллах шла о закреплении за португальцами права на открытие и владение всеми морями и землями в Атлантике южнее Канарских островов. Таким образом, в течение 60 лет не столько международное право, сколько мощь португальского флота обеспечивала португальцам полное господство в африканских водах» [4. С. 298].

Сложное взаимодействие расширявшихся захватов Османской империи, торговой монополии Венеции, конкуренции Испании и Франции, обострявшихся противоречий между императорами «Священной Римской империи» и католическим престолом направляло дипломатическую активность Запада в сторону России. Принимая во внимание всё вышесказан-

ное, отдадим должное Ивану III, который рассматривал политическую независимость как естественное следствие объединения великорусских земель и основание быть Московским государем. Он и называет себя царем, самодержцем, с достоинством отказываясь от предложенного королевского титула. Его ответ Поппелю свидетельствовал о понимании нераздельности своей, Ивана III, царской, суверенности и суверенитета становящегося Русского государства: «Мы, божьей милостью, государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, и как прежде его ни от кого не хотели, так и не хотим и теперь» [5. С. 156]. И здесь дипломат Иван III заявляет позицию главы государства, царя Ивана III – готовность всеми средствами отстаивать независимое развитие страны.

Маркс писал: «К концу княжения Ивана III мы видим его сидящим на независимом троне. Рядом с ним дочь последнего византийского императора. У ног его Казань, обломки Золотой Орды стекаются к его двору. Новгород и другие русские республики поработены. Литва урезана, а государь литовский – орудие в руках Ивана, Ливонские рыцари побеждены» [3. С. 265]. В этих дефинициях наряду с признанием силы молодого Московского государства значение имеет указание на многовекторность его внешней политики. Ситуационное использование военных и дипломатических средств сочеталось у Ивана III со стратегическим видением задач развития международных отношений страны.

Е.Ф. Шмурло в своей «Истории России» пишет: «Эта черта совершенно новая. Раньше на Руси ничего подобного не слыхали. Отсюда пойдет будущее Московское царство, Российская империя, и когда Петр Великий торжественно возложит на себя императорскую корону, а Николай I на запрос английского посла: зачем он строит военный флот в Балтийском море, ответит: «Для того, чтобы мне потом не смели задавать подобных вопросов»; или когда Александр II во время польского восстания с негодованием отвергнет вмешательство Франции и Англии в его внутренние дела – во всех этих случаях названные государи будут действовать как истинные наследники Ивана III» [5. С. 156].

Завещая России проведение политики национального суверенитета, Иван III своей деятельностью формулировал основной принцип главы государства: его власть — функция централизованного национального государства, функция охраны его безопасности и целостности. Реалии следующих столетий доставили немало доказательств принципиального значения этого основополагающего начала организации верховной власти. В России, территория которой оказалась «местом встречи» Востока и Запада, «международный фактор» обладал специфическими характеристиками воздействия на развитие ее государственности.

Результирующий сложное взаимодействие противоречий внутривластных и международных отношений феномен верховной власти неотделим от мировоззрения ее носителя. Анализ его позволяет связать трактовки института главы государства с состоянием политико-правовой мысли в предшествующий его деятельности и в последующий за ней периоды. Тем самым мы обозначим методологическое пространство рассмотрения достижений и деструкций персонифицированной высшей государственной власти России в их всемирно-историческом значении.

Мировоззрение главы государства — совершенно конкретная интерпретация опыта прагматической политики в ее идеологическом выражении. На рубеже XV–XVI вв. идеология власти выступает фактором формирования политической философии. Именно она обнаруживает в структурных преобразованиях общества на обоих полюсах европейского мира — России и Западе — общие закономерности развития. При всех естественно-исторических различиях социокультурных факторов и их влияния на политико-правовую мысль последняя в трактовке значения власти государя совпадала и в России, и на Западе. Но русская и западноевропейская линии развития политической философии содержали принципиальное отличие, проявлявшееся вплоть до появления Российской империи и после ее образования, отчетливо продемонстрированное советским периодом и дающее о себе знать по сей день.

Не фиксируя внимание на позициях в онтологии и гносеологии тех, кто представляет сво-

им творчеством судьбы политико-правовой философии в России, приведем свидетельства о сложившихся в ней традициях П.Я. Чаадаева: «...Я держусь того взгляда, что Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе. Поставленная вне того стремительного движения, которое уносит там умы, имея возможность спокойно и с полным беспристрастием взирать на то, что волнует там души и возбуждает страсти, она, на мой взгляд, получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки» [6. С. 92]. И еще одно высказывание русского мыслителя, немало способствовавшего развитию национального самосознания в XIX в. «Пройдет немного времени, и, я уверен, великие идеи, раз настигнув нас, найдут у нас более удобную почву для своего осуществления и воплощения в людях, чем где-либо, потому что не встретят у нас ни закоренелых предрассудков, ни старых привычек, ни упорной рутины, которые противостояли бы им. Потому для европейского мыслителя судьба его идей у нас теперь, как мне кажется, не может быть совсем безразличной» [6. С. 79].

Эти суждения Чаадаев доносит и до Николая I в адресованном ему письме. Излагая, в частности, свой взгляд на дело образования в России, он пишет, что «...возможно дать ему национальную основу, в корне расходящуюся с той, на которой оно зиждется в остальной Европе, ибо Россия развивалась во всех отношениях иначе, и ей выпало на долю особое предназначение в этом мире. Мне кажется, что нам необходимо обособиться в наших взглядах на науку не менее, чем в наших политических воззрениях, и русский народ, великий и могучий, должен, думается мне, вовсе не подчиняться воздействию других народов, но с своей стороны воздействовать на них. Если бы эти мысли оказались согласными со взглядами Вашего Величества, я был бы несказанно счастлив содействовать осуществлению их в нашей стране. Но прежде всего, я глубоко убежден, что какой-либо прогресс возможен для нас лишь при условии совершенного подчинения чувств и взглядов подданных чувствам и взглядам Монарха» [6. С. 83–84].

Чаадаевские тезисы важны для понимания того, что русская политико-правовая мысль с

периода становления Московского государства всегда решала задачу преодоления интеллектуально-политического эгоизма Запада. И в этом преодолении русская политическая философия развивала «великие преимущества», которые она приобретала осмыслением исторического своеобразия форм русской государственности. Из научного обсуждения не должно исчезать непосредственное участие в этом процессе сложнопосредованных русской историей отношений «Востока» и «Запада». Развитие русской политико-правовой культуры – это история триады «Восток–Россия–Запад» как основных координат мирового пространства последнего тысячелетия.

Опровергая конъюнктурную устойчивость мифов о косности и отсталости, русское политическое мышление отличалось стремлением объяснить действительную событийность интерпретацией явлений мировой общественной мысли. Формирование русской философии власти выражало состояние международных культурных взаимоотношений, отраженное политической борьбой определенного времени. Исходя из этой ее исторически значимой сути, можно вывести для обсуждения некоторые замечания актуально-методологического характера.

Интеллектуальная жизнь России никогда не прерывалась, и ее политико-правовая мысль в самые трудные периоды шаг за шагом обнажала свою творческую силу. Появление теории «Москва – третий Рим», с необходимостью резюмируя важный этап развития страны, явило философски обоснованную политическую программу единой государственной власти. «Москва – третий Рим» устанавливала связанность исторических переломов в судьбах России взаимозависимостью неоднородности реформ власти и политико-правовой мысли. В той мере, в какой неоднородной была разрешавшаяся ими определенная социокультурная ситуация. Отдавая ясный отчет в истоках резкого противопоставления «неолибералами» исторических путей России и Западной Европы, отметим, что концептуальный замысел «старца Филофея» прочертил сквозные линии всемирной истории, утверждая Россию влиятельно действующим в ней субъектом.

Н. М. Золотухина замечает: «Почти во всех своих посланиях Филофей излагает свое понимание дальнейшего политического развития России, которое и представлено у него формулой «третьего Рима». Падение Византии и поправление православных святынь турками (османское завоевание в 1453 г.) привели его к мысли о том, что восприемницей православия должна стать Россия, на которую обратилась «вышняя провиденция» с целью определения ее дальнейшей судьбы. Только верное православию государство может стать объектом Божественного промысла, и им является Россия. «Ныне все христианские церкви поправлены от неверных... приидоша в конец и спидошася во едино царство нашего государя», что произошло согласно древним пророчествам: «Два убо Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быть». Блеск и могущество Византии не пропали, они возродились в России... Она в силу своей независимости... и могущества способна оказать защиту всем православным. Автор Посланий не призывает к захвату других государств с целью обращения их в православие, а только к защите самой православной конфессии властью московского государя» [7. С. 139–140].

Философия власти в России выступает в этот период концептуальным оформлением мирового значения «встречи» трех Римов в Москве. Очевидный провиденциализм выражал понимание единства политического бытия и культурной жизни. Подчеркивая «*differentia specifica*» исторических периодов, обратим особое внимание на то, что представление о «Третьем Риме» стало результатом длительной эволюции политико-правового мышления, до начала XIII в. связанной с Киевской Русью.

В этот, условно говоря киевский, период происходили события, в мировой судьбоносности которых не приходится сомневаться. Разумеется, таковым было принятие христианства на Руси, находившееся в непосредственной связи с политическими реалиями государства с обширной территорией. В нашу задачу не входит рассмотрение сугубо исторических аспектов, лишь отметим, что начавшийся с конца XI в. распад Киевской Руси на самостоятельные княжества означал образование поли-

тических центров со своими особыми интересами. Эти процессы не представляли собой изолированного явления в общеполитическом контексте европейского средневековья. Относительно последнего А.П. Левандовский в частности, отметил: «...X и XI века, самые «темные» и с точки зрения реальной жизни народов Западной Европы (феодалная раздробленность, набеги норманнов, венгров, арабов), и в плане познания историков об этом времени... Здесь очень мало удостоверенных фактов, вследствие чего приходится ограничиваться молчанием, либо строить гипотезы, прибегая к ретроспекции... Но затем положение меняется. С конца XI века начинается эпоха крестовых походов» [8. С. 138].

Они обозначили своеобразную «фокальную точку» историко-культурных судеб России и западноевропейской политики – Константинополь. Важность этого следует учитывать в анализе идейного содержания русской политико-правовой мысли. «Все те, кто останавливается перед фактом «позднего пробуждения русской мысли», постоянно соблазняются резким контрастом России XIII–XVII веков с Западной Европой того же времени и оттого совершенно неверно оценивают исторические факты. Чтобы преодолеть этот соблазн, чтобы исторически трезво оценить историю духовного развития России, необходимо отдать себе ясный отчет как в различии путей России и Западной Европы в указанные века, так и отказаться от мысли, что история Западной Европы есть как бы единственная и по типу и по темпу развития форма прогресса» [9. С. 33].

Высказывание В.В. Зеньковского весьма существенно, указывая на проблему особого значения – проблему «влияний» в русском политико-правовом развитии. К этому у русского мыслителя есть ряд методологических уточнений. В частности, понятие «влияния» может быть «применимо лишь там, где имеется лицо хоть какая-нибудь доля самостоятельности и оригинальности – без этого невозможно говорить о влиянии: нельзя же влиять на пустое место» [9. С. 18–19]. Сказано это в связи с утверждениями о «бессознательных подражаниях», покоящихся на «нарочитой недоброжелательности к русской мысли», намеренном желании ее унизить» [см.: 9. С. 18].

Вопрос о «влияниях» на русскую политическую философию осложняется естественно-историческим своеобразием ее развития. Собственно, к выявлению взаимообусловленности форм российского политико-правового мышления обязывает «Глава государства». Попыткой анализа их в условно разделенных правлением Ивана III периодах мы откликаемся на приглашение академика О.Е. Кутафина раскрывать диалектическую связь явлений философии власти в России в единстве их происхождения и исторической последовательности.

В настоящее время необходимость в этом ощущается особенно остро вследствие изощренных искажений хода исторического развития русской мысли. Природа их двоякая. С одной стороны, она обусловлена объективным социально-политическим «заказом» на унижение русского национального самосознания и с другой – лакейским усердием доморожденного «либерализма», с каким он выполняет «поручение» транснационального капитала. Таким образом, история политико-правовых идей превращается в злободневную политическую реальность, в которой велика роль правового мышления. Последнее в концепции «Третьего Рима» заявляет себя фактором особого значения для обладателя высших властных полномочий. Идентификация правовой нормы с правдой служит формированию русского типа правопонимания, утверждающего онтологическое единство юридических и нравственных характеристик.

Философско-правовую мысль России этого времени можно рассматривать как своеобразную «рецензию» на складывающуюся на Западе макиавеллистскую философию власти. Ее основная тенденция – сохранение противостояния нравственных и политических нормативов в деятельности главы государства. Демаркация морали и политики – это, по существу, обоснование его деспотического суверенитета. Напротив, русская политико-правовая мысль стремится к обоснованию «коллективного суверенитета» государя, т.е. его суверенного единства с народом, так сказать, с «материальным» носителем национально-государственных интересов. В условиях наличия боярского, а прежде княжеско-удельного, сепаратизма это был ответ на вопрос о законно-

сти царской власти и одновременно схема политической борьбы за централизованное Русское государство. Она включала формирование правовой идеологии, отражавшее необратимую эволюцию русской мысли от описания явлений к их превращению в политическую действительность. Этот переход от явлений к сущности определялся поисками истины на основе христианских принципов — фундамента законности и нравственности царской власти. Она не «демиург бытия», а живая объективная связь политической реальности России со Священной историей. Такой взгляд выражал высокую степень понимания проблемы главы государства своего времени.

Тема всемирно-исторического значения становления русской государственности как политической конкретизации христианской идеи в православии — это тема смысла власти в истории как таковой. Обсуждение ее Филофеем в этом убеждает. Толкуя притчи Священного писания, он говорит: «Бегство жены в пустыню от старого Рима произошло из-за опресночного служения, поскольку Рим неизлечимо болен апоплинариевой ересью. В новый Рим побежала она, в Константинополь-город, но и там покоя не обрела, поскольку произошло соединение православия с католичеством на 8-м Соборе и в результате константинопольские церкви разрушились и положились в погребение и растеклись подобно овощному хранилищу, и в третий Рим побежала она — в новую великую Россию, которая представляла собой пустыню, где Божественные апостолы не проповедовали, и хотя после всех Россия просветилась, но на ней лежит спасительная Божественная Благодать. Она познала Бога истинного и приняла единую святую соборную апостольскую церковь восточную, которая паче солнца во всей поднебесной светится. И единый православный русский царь также во всей поднебесной, подобно Ною, спасенному в ковчеге от потопа, правит и окормляет Христову церковь и утверждает православную веру. А если змей выпустит из уст своих воду, сотворив реку и желая жену в ней потопить, то обратится она к Богу с просьбой о спасении всех соблазненных дьяволом чад своих, и не в Палестине, а здесь в Русской земле. Да не будет дивное это жилище беззаконием наполнено...» [7. С. 147–148].

Чтобы приблизиться к правильному пониманию роли теории «третьего Рима» в развитии политико-правовой мысли России, чрезвычайно важно избежать попадания в сети антиисторизма. Для этого, исходя из принципа конкретно-исторического подхода, необходимо иметь в виду, что идея «Москва — третий Рим» — идея русской православной церкви. Идея становления главы государства не по царской субстанции, а приобретения им полномочий высшей государственной власти по Благодати. Концепция была особым выражением сути умственного движения своего времени, представленного многими славными именами истории России.

«Москва — третий Рим» — это откровенная формулировка того, что отныне России нечего и некого бояться, и чтобы решиться на нее, надо было не испытывать недостатка в политической смелости. Следует не оставлять без внимания, что осмысление проблем русской государственности в контексте исканий русской церковной мысли открывало широкие пути для дальнейшего развития русской политической философии. Здесь не имело места отрицание светских основ верховной власти, а формулировались ее основные принципы как выводы из исторически развитого православия. По этому поводу не имеет смысла ломать копья, а важно правильно расценивать соотношение светской и религиозной тенденций в развитии русской политико-правовой мысли. В противном случае мы поставим себя в затруднительное положение относительно понимания политико-правовых проблем настоящего времени. О.Е. Кутафин замечает: «...В нашей политологической, социологической и юридической литературе существует разное понимание одних и тех же понятий, что порождает их путаницу и подмену» [1. С. 17]. В них получает свое полное выражение методология кризиса политико-правовой мысли, тенденциозная предвзятость, изоморфная соображениям политической конъюнктуры. В этой русофобно-антисоветской парадигме искажения историко-политической картины России граничат с философско-политическим шарлатанством.

Принципиальное значение снятия противоречий между философскими предпосылками правовых оценок действительности и по-

литической конкретикой последней подтверждает следующая мысль О.Е. Кутафина: «Глава государства всегда отстаивает государственное единство, которое либо складывается под его руководством, либо нашло свое выражение в его возникновении» [1. С. 6]. Нынешнее состояние страны, акцентируя задачи, выдвинутые перед Россией противоречиями мировых процессов, нередко искушает простыми ответами на непростые вопросы.

Однако, этому вполне практическому соображению присущ серьезный недостаток — односторонность. Она приводит к утрате понимания связи политических идей с исторической необходимостью, диалектики форм социально-политической деятельности, которая представляет историю национальной культуры. Исследование ее политических и правовых аспектов — интегральная задача, поставленная в монографии О.Е. Кутафина перед юридической наукой. Утверждение, что обеспеченность государственного единства своевременным решением проблем организации и функционирования верховной власти как центрального института государства — непреложное условие развития страны, сообщает ее постановке смысловую многозначность.

Обозначение методологического пространства исследования концепциями русских ученых, выступая индикатором перевода правовых понятий из абстрактно-методологической плоскости в плоскость конкретики политической жизни, дает возможность видеть, что в переходные исторические периоды обостряются противоречия не между государством и обществом, а между определенным состоянием государственности и всей совокупностью общественных отношений. Правоведение в России никогда не расставалось с проблемой адекватности мыследеятельности власти объективной политической реальности, чем обнаруживается методологическая перекличка О.Е. Кутафина с Б.Н. Чичериным. «Патриарх русской государственной науки» писал: «Политический деятель имеет в виду не только цель, но и средства. Зрелое обсуждение последних, точное соображение обстоятельств, избрание наилучшего пути при известном положении дел — вот в чем состоит его задача, и ею он отличается от мыслителя, изучающего общий ход

истории, и от художника, наблюдающего движения человеческих страстей» [10. С. 368].

Системно-методологическая значимость этой мысли вполне определенно объясняется Б.Н. Чичериным в работе «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей». Рассмотрение юридических понятий и отношений во взаимной логической связи их содержания с опытом централизации власти представляет историческую необходимость формирования единого Русского государства.

Целостность философского осмысления и конкретно-исторического анализа памятников русской юридической мысли приводит к выводу: «Государство есть высшая форма общезития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность, которая выражается преимущественно в единстве языка, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом. В нем верховная власть служит представительницею высшей воли общественной, каков бы, впрочем, ни был образ правления — наследственная ли монархия, народное ли представительство или то и другое вместе. Эта общественная воля подчиняет себе воли частные и устанавливает таким образом твердый порядок в обществе» [10. С. 360].

Должно быть понятно, что эта мысль — не «догмат» государственника, а ясная формулировка подхода к одной из «сквозных» проблем правоведения — установления основных принципов взаимодействия правовых категорий с учетом бесконечных «капризов» политического процесса. К этому еще нужно добавить следующее. «Современное государство не только нравственно, но и юридически связано со всеми предшествующими его формами. Связь эта образуется сохраняющейся в нем непрерывностью сознания и воли. Потому мы народ иначе и не представляем себя как единым лицом, т.е. субъектом, имеющим разумную волю, а потому и права. Таким он является в международных сношениях, в истории, в судьбах мира, и это лицо есть государство. Потому, когда историю народа противопоставляют истории государства, как будто государство есть что-то внешнее и чуждое народу, мы можем видеть в этом только смешение понятий. Государство есть сам народ как единое целое, как живой

организм, как нравственное лицо, как исторический деятель» [10. С. 378].

Неопределенность политико-правовых форм переходных периодов не есть некий «перерыв непрерывности» в развитии государственности. Обозначением резких противоречий смены типов политической культуры она резюмирует глубинные смыслы истории государства и права. Для проникновения в них методологически значащим оказывается выяснение связи между меняющейся конфигурацией власти и самостоятельной активностью в осуществлении последней ее главы. Этой связью, и наиболее отчетливо именно в переходные периоды, обнаруживаются проблемы функционирования государственной власти. Все политико-правовые выражения бытийности последней всегда осложнены многообразием «личностных отношений», что особенно дает о себе знать в периоды обострения противоречий общественных отношений — материальной основы власти. Соответственно их созреванию в политико-правовой сфере власть приобретает все более напряженные личностно-материальные формы.

Это отразила углубленность историософской традиции русской политико-правовой мысли. Она проявлялась в трактовке государственной власти носителем разнородных общественных противоречий, выраженных политическими интересами и индивидуальными качествами ее высших представителей. Здесь существенным был не столько анализ механизмов социальной регуляции, сколько рассмотрение исторических контекстов власти как осмысленного становления ее политико-правовых форм.

Подтвержденная вышеназванной работой Б.Н. Чичерина, эта позиция определяла концептуальные свойства философии власти в России. Ее основным принципом было соотношение объективной потребности в интеграционном механизме развития общества с ее реализацией персонифицированными структурами государства в определенных исторических обстоятельствах. Именно в этих рамках власть обладает свободой выбора способов и средств воздействия на общественную жизнь. И именно в этих рамках право реализует свой социальный потенциал, утверждая единство и

противоположность политических и нравственных определений.

Нравственность в России всегда выступала философской предпосылкой правовых воззрений на власть — от концепции старца Филофея до наших дней. Одно из фундаментальных доказательств этого представляет полемика двух русских мыслителей, двух философов права — Б.Н. Чичерина и Вл. Соловьева. Для нашего изложения нет надобности детально разбирать аргументацию каждого в их споре. Его центром был вопрос о подлинной имманентности права нравственности как осмысления возможностей обезопасить общество от абсолютизации политической власти. «И в этом пункте мы видим, что требования нравственности вполне совпадают с сущностью права. Вообще, право в своем элементе принуждения к минимальному добру хотя и различается от нравственности в собственном смысле, но и в этом своем принудительном характере, отвечая требованиям той же нравственности, ни в каком случае не должно ей противоречить» [11. С. 458].

Установка на рассмотрение права как проекции духовного начала на совокупность общественных отношений была развернута Вл. Соловьевым при анализе связи государственно-властной организации общества и нравственности. Нравственный критерий «софийного» синтеза соловьевского анализа обнаруживает структурное единство государственности и права в организации власти. Он пишет: «...Право должно иметь в обществе действительных носителей или представителей, достаточно могущественных для того, чтобы издаваемые ими законы и произносимые суждения могли иметь силу принудительную. Такое реальное представительство права, или такая дееспособная законность, называется властью» [11. С. 460].

Проблема власти и для Вл. Соловьева, и для Б.Н. Чичерина была проблемой исторических судеб России. Их полемика до сих пор не потеряла научной и общественно-политической значимости. Ее феномен обнаруживает участие в ней, прямое и косвенное, как тогдашних, так и современных ученых. «При более подробном изложении, — отмечал А.Ф. Лосев, — нам пришлось бы затронуть множество имен»

[12. С. 435]. Их носители помогают распознать конструктивное единство русской политической мысли относительно правовых оснований власти. Мы не ошибемся, если скажем, что понимание сущности спора двух крупных мыслителей означает принципиальное понимание сущности исторического развития философии власти в России. А для этого надо составить по возможности наиболее точное представление о ее системно-мировоззренческих характеристиках.

Исследование О.Е. Кутафина дает возможность сделать это. Характерно, что пространное цитирование трудов блистательных русских ученых сопровождается подробным комментарием академика. В этом отношении примечательно его обращение к творчеству Н.И. Лазаревского. «Он,— пишет О.Е. Кутафин,— отмечал, что принадлежность всей совокупности государственной власти одному человеку не означает, что этот человек в состоянии сам осуществлять все функции власти. Поэтому и при неограниченной монархии неустраима множественность органов государства. Однако все эти органы рассматриваются как исполнители полномочий монарха, поскольку они от него получают свои права, он их назначает на должности, он в любое время может заменить любой орган и действовать вместо него. У этих органов нет никаких прав, направленных против монарха». Н.И. Лазаревский подчеркивал, что в руках неограниченного монарха находится и вся законодательная власть. Только «те приказания, которые исходят от монарха, имеют силу закона» [1. С. 60]. Далее О.Е. Кутафин цитирует: «И коль скоро каждое распоряжение самодержавного монарха есть закон, то нет таких прав, которые не могли бы быть отменены любым распоряжением монарха. Почти во всех абсолютных монархиях делались попытки выделить из актов монарха акты законодательные, обставить их издание особыми гарантиями, обеспечивающими более внимательное их обсуждение, и затем постановить, что все управление, в том числе и акты управления, исходящие от монарха, должны быть закономерны. Все эти попытки ни к чему не приводили, ибо стремление ограничить волю неограниченного монарха законом заключает в себе внутреннее проти-

воречие: всякое волеизъявление неограниченного монарха подлежит исполнению» [1. С. 61].

О.Е. Кутафин делает несколько емких замечаний: «Вместе с тем Н.И. Лазаревский указывал, что все современные государства Европы, пройдя через эпоху самодержавной монархии, перешли к конституционной форме правления. Он считал, что как те причины, которые в свое время создали самодержавие, так и те, которые потом вызвали переход к конституции, не зависят от каких-либо случайных или местных условий. Они заключаются в самом существовании каждого государства, достигшего определенной ступени развития. Со временем самодержавие утрачивает свою идейную основу. Личность государя перестает быть тем центром, которому все готовы приносить жертвы. Таким центром становятся отечество и народ. Государь из владельца государством превращается в орган государства. Служба благу народа становится единственным основанием и единственным моральным оправданием власти» [1. С. 62]. И еще одна важная комментирующая реплика О.Е. Кутафина: «Надо сказать, что при своем образовании самодержавию приходилось довольно долго сталкиваться с тайной и открытой оппозицией со стороны «закрепощенных» им бояр, которые даже после того как царская власть окончательно сложилась в качестве самодержавия, перед избранием Михаила Романова на престол пытались ограничить самодержавие в плане бывшей неприкосновенности их жизни и имущества» [1. С. 64].

В этих высказываниях обнаруживаются реминисценции мыслей косвенного участника соловьевско-чичеринской дискуссии, видного русского ученого Г.Ф. Шершеневича. Обоснование им правовой природы «интереса» приобрело практическое значение, когда в России в фазу конкретных политических действий вступил конституционный процесс. «Интерес», выступая у Г.Ф. Шершеневича регулирующей связкой государственного управления и политического поведения, актуализирует методологическую суть философско-правового идеала русской мысли: любая теория власти обесмысливается, не подвергая критическому анализу политическое обеспечение реализации возможностей права быть нравственным критерием конфликтов власти и общества, об-

шественного сознания и личностного сознания носителей власти.

Примечательно, что Г.Ф. Шершеневич, по существу, сближает позиции Вл. Соловьева и Б.Н. Чичерина. «Нормы права, — пишет он, — усваиваются теми же способами, как и нормы нравственности, даже больше — в качестве норм нравственности. Так как значительное число норм права по своему содержанию совпадает с нравственными, то восприятие нравственных воззрений влечет и познание юридических требований» [13. С. 290].

Отвергая формы власти как нечто раз и навсегда данное, Г.Ф. Шершеневич обращает внимание на то, что любые мотивы, побуждающие к соизмерению действий с нормами права, могут оказаться недостаточными. Силой, которая даже если интерес бессилён может принудить к соблюдению правовых норм, является «...угроза со стороны государственной власти невыгодными последствиями в случае уклонения от нормы. Для приведения этой угрозы в исполнение государство создает особые органы» [13. С. 297]. Речь у русского правоведа идет, прежде всего, не о карательной функции государства, а о таком принуждении, которое, сопровождая правовую норму, «...имеет психический характер и заключается в возбуждении мотива, который должен склонить к поведению, согласному с нормами» [13. С. 297].

Эта мысль Г.Ф. Шершеневича в свете постоянно совершающегося превращения власти из необходимого координатора социально-политического развития в относительно автономную персонифицированную силу навязывания обществу своей воли чрезвычайно важна. Острота проблемы власти сегодня, как и в прошлом, заключается, видимо, в преодолении принципа корпоративности, реализуемого в бюрократии, деятельность которой опосредует нравственно-правовые основания общества и государства своим, «особым» интересом. Эта, по определению К.Маркса, «мнимая всеобщ-

ность особого интереса» представляет собой лишь формальное видоизменение властью своей «мнимой особенностью всеобщего интереса» [14. С. 270]. Данное противоречие негативным образом подтверждает, что институт главы государства требует глубокого системного анализа. К слову, исследование его международно-правовых аспектов не ускользнуло от внимания правоведов русского зарубежья [15].

Вглядываясь в явления нового исторического периода, мы видим, что политическая практика представляет спиралеобразное нарастание последствий исчезновения мировой социалистической системы с политической карты. Выяснение в этих условиях основной линии перспективы русской государственности — задача, решению которой способствует осмысление отечественной истории государства и права в аспекте проблем организации верховной власти.

В завершение выскажем надежду, что нам удалось представить значимость «Главы государства» для дальнейших исследований взаимодействия права и политики. В нашем изложении мы уделили внимание переходным периодам — «точкам становления» новых структурных качеств власти, поскольку в этом смысле каждый период в истории — переходный. Думается, сама незаконченность книги академика О.Е. Кутафина должна восприниматься как многоточие, означающее необходимость продолжения анализа соотношения правовых форм общественного сознания и политической деятельности главы государства. В предметном фокусе этой проблематики выразались все направления русской политико-правовой мысли. Исследование ее теоретических альтернатив в «Главе государства» отличается реализацией важного принципа политической философии: «...Всякая абстрактная истина становится фразой, если применять ее к любому конкретному положению» [16. С. 396].

Литература

1. Кутафин О.Е. Глава государства. М., 2012.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
3. История дипломатии т.1. М., 1959.
4. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988.
5. Шмурло Е.Ф. История России (IX-XX вв.) М., 1997.
6. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. В 2-х т.т. Т. 2. М., 1991.
7. Антология мировой правовой мысли в 5-и т.т. Т. IV. М., 1999.

8. Левандовский А.П. Карл Великий. М., 1999.
9. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Ч.1. Л., 1991.
10. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998.
11. Соловьев В.С. Соч. в 2-х т.т. Т. 1. М., 1990.
12. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев. М., 2000.
13. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск первый. М., 1910
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 1.
15. Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции(1918-1939). М., 2000.
16. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 35.

References

1. Kutafin O.E. Glava gosudarstva [The head of state]. Moscow, 2012.
2. Gadamer Kh.-G. Istina i metod [Truth and Method]. Moscow, 1988.
3. Istoriya diplomatii [The history of diplomacy]. Moscow, 1959, V. 1.
4. Vernadskiy V.I. Trudy po vseobshchey istorii nauki [Works on the general history nauki]. Moscow, 1988.
5. Shmurlo E.F. Istoriya Rossii (IX-XX vv.) [History of Russia (IX-XX centuries)]. Moscow, 1997.
6. Chaadaev P.Ya. Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pis'ma [Complete Works and Selected Letters]. Moscow, 1991.
7. Antologiya mirovoy pravovoy mysli [Anthology of world legal thought]. Moscow, 1999, V. 4.
8. Levandovskiy A.P. Karl Velikiy [Charlemagne]. Moscow, 1999.
9. Zen'kovskiy V.V. Istoriya russkoy filosofii [The history of Russian filosofii]. 1991, V. 1.
10. Chicherin B.N. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. St. Petersburg, 1998.
11. Solov'ev V.S. Sochineniya [Writings]. Moscow, 1990, V. 1.
12. Losev A.F. Vladimir Solo'ev [Vladimir Solovev]. Moscow, 2000.
13. Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]. Moscow, 1910, I. 1.
14. Marks K., Engel's F. Sochineniya [Writings]. V. 1.
15. Starodubtsev G.S. Mezhdunarodno-pravovaya nauka rossiyskoy emigratsii (1918-1939) [International legal science of Russian emigration (1918-1939)]. Moscow, 2000.
16. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works].